

* * *

Следующий параграф посвящен анализу концепции всемирной империи, которую выдвинул Тютчев в стихотворении с красноречивым заглавием «Русская география». Эта идеологическая конструкция продолжала общую историсофскую концепцию, построение которой начинается в тютчевском творчестве на рубеже 1830-х гг., а затем с перерывами длится до самой смерти поэта. В «Русской географии» Тютчев представил подробный очерк пространства грядущей славянской державы. Выбор пограничных объектов должен был представить будущую империю как постоянно расширяющееся пространство.

2.1.3. «Русская география» Ф. И. Тютчева*

Роман Лейбов

— Теперь я поведу тебя посмотреть <...> границу, где оканчивается моя земля. <...>

Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.

— Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое.

Мертвые души, гл. IV

Среди так называемых «политических» стихотворений Тютчева одно из наиболее цитируемых в наше время — «Русская география» (далее — *РГ*):

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». В основание параграфа положена статья автора: Из тютчевских «пророчеств»: «Русская география» // *Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*, VII. Тарту, 2009. С. 379–393.

Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек [Тютчев 1987: 152¹].

Текст этого стихотворения дошел до нас в автографе (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2), имеются также списки в составе родственных собраний (Мурановский альбом, альбом М. Ф. Бирилевой) [Тютчев 1934: II, 292].

Текст при жизни автора не был опубликован и, насколько нам известно, не получил сколько-нибудь широкого распространения (в отличие от других сходных по прагматике стихотворений, напечатанных или циркулировавших в рукописях).

Впервые *РГ* была опубликована в подготовленном вдовой поэта и А. Н. Майковым издании 1886 г. с датировкой «1848». Датировка эта, однако, была снята в издании 1900 г. Дальнейшая традиция, восходящая к первому научному собранию стихотворений Тютчева под редакцией Г. И. Чулкова, восстанавливает датировку майковского издания, слегка раздвигая ее границы («1848–1849»). Как указывают авторы «Летописи жизни и творчества Тютчева», текст датируется «по содержанию, близкому к идеям трактата “Россия и Запад”» [Летопись: 84]. Такая мотивировка представляется нам совершенно недостаточной: если нижняя граница обоснована хотя бы датировкой майковского издания, то верхняя кажется еще более гипотетической, поскольку изложенные Тютчевым в трактате соображения отнюдь не подвергались радикальному пересмотру в последующие годы.

¹ Далее стихотворения Тютчева цитируются по этому изданию без ссылок.

Концепция будущей всемирной империи, яркой манифестацией которой представляется *РГ*, вызревала у Тютчева не вполне очевидным для наблюдателя образом еще в Германии; исходными точками тут следует считать два ранних текста:

1. «Как дочь родную на закланье...» (традиционно датируется 1831 г.). Здесь нынешней братоубийственной войне славян противопоставляется будущая гармония (*наша общая свобода*), причем истинной целью русских, приносящих в жертву «единородного польского орла», является не сохранение наличного государственного устройства Империи (*коран самодержавья*), а будущее единство (описываемое предельно неотчетливо, но с показательными для нашей темы библейскими аллюзиями: *славян родные поколения под знамя русское собрать*). Развернутая в *РГ* географическая/топонимическая тема здесь не представлена вообще (упомянута лишь Варшава) — будущее видится как некоторый путь рассеянных славянских колен *к таинственной мете*, в обетованную землю, не получающую, однако, пространственной локализации.

2. Эта схема претерпевает через десять лет значимые трансформации. В послании В. Ганке (первая редакция — 1841) появляется, во-первых, экскурс в общеславянскую историю, вновь описанную как рассеяние колен, раздробленность:

Веки мы слепцами были —
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы...

Во-вторых, появляются отсутствующие в первом тексте внешние враги:

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обезьязычил немец,
Этих — турок осрамил...

В-третьих, пророчество о будущем единстве впервые дано в виде пространственного описания, включающего гидронимы, названия горных хребтов и перечисление славянских столиц:

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!..
Обличилась перед нами
Вся Славянская Земля!..
Горы, степи и поморья
День чудесный облистал, —
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал...²
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...

В-четвертых, что существенно для *РГ*, пророчество о будущем единстве передоверяется здесь некоторому третьему лицу: в данном случае ученому авторитету, озарившему славянский мир словом о будущем единстве³.

Эти ранние тексты слишком изолированы, чтобы на их основании можно было делать заключения об эволюции политической концепции Тютчева, однако мы знаем, что чуть позже, во второй половине 1840-х гг., поэт в других жанрах активно разворачивает сходные темы. Обычно (начиная с биографии И. Аксакова) тютчевские политические стихотворения рассматриваются как единство без учета фактора эволюции. Между тем, такая эволюция явно имелась, причем подчинена она была как внутренней логике развития историософской тют-

² Последняя формула выстраивает пространство по двум осям: «Север — Юг» и «Запад — Восток». Интересно, что тютчевский «грядущий день» наступает с севера и запада (*от Невы... от Карпатов*), что поддержано в следующей строфе порядком перечисления славянских столиц (Варшава — Киев).

³ Сходное передоверие пророчества находим в ст. «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» (1842, впервые опубл. по-русски в 1979) — ср. французский заголовок-адресацию “*Êrître à l’Arôtre*”. Здесь, однако, как и в первом «польском» стихотворении, пространственная тема уходит на второй план, и грядущая цельность ныне «раздробленного племени» вновь трактуется исключительно абстрактно.

чевской концепции, так и внешним соображениям, связанным с текущей политической ситуацией.

Не касаясь сейчас политических взглядов Тютчева как они выражены в трактатах (написанных в 1840-х – начале 1850-х гг.) и письмах (а также в зафиксированных современниками устных суждениях), обратим внимание на интересующий нас пласт лирики и на разработку в нем пространственно-географической темы.

Здесь, прежде всего, заметны два всплеска активности: первый падает на интересующее нас время, второй — на последние годы жизни поэта (начиная с 1867). При этом речь не идет об ослаблении в промежутке интереса Тютчева к проблеме чаемого славянского единства, однако поэтических высказываний на эту тему в его наследии 1855–1867 гг. нет⁴.

На рубеже 1840-х и 1850-х гг. также можно выделить два цикла, посвященных будущему империи. Первый цикл относится к 1849–1850 гг., ко времени кризиса вокруг «восточного вопроса». Прежде всего, это «Рассвет» (1849). Здесь впервые в утопическую «славянскую/русскую географию» вторгается константинопольская тема (опробованная в двусмысленном пророчестве «Олегова щита» еще двадцать лет назад, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.). «Рассвет» развивает центральную метафору послания «К Ганке», но пророчество о будущем лишается «родовой» славянской прикрепленности. Заметим также, что в этом цикле (в отличие от политических записок) будущее утопическое образование никогда не именуется империей. Здесь оно выступает как «Русь» и подхватывающий ее призыв «Восток», причем конфессиональное единство выдвигается на первый план:

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

⁴ Характерно, что в стихах 1860-х гг. польское восстание трактуется не как всеславянская, но как внутрирусская тема.

Раздайся, благовестный звон,
И весь Восток им огласися!
Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися!
В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, Исполин Державный!
О Русь! Велик грядущий день,
Вселенский день и Православный!

Пафос конфессиональной экспансии здесь замещает превалирующую в более ранних текстах идею воссоединения разрозненного славянского целого. Характерна здесь и смена модальности — к императиву; в этом отношении «Рассвет» также наследует императивности финала послания к Мицкевичу.

Следующий императивный текст⁵, написанный в 1850 г. и опубликованный в 1854 г. в «Современнике» (т. XLIV) — «Пророчество». Значима тут (как и в написанном одновременно стихотворении «Нет, карлик мой, трус беспримерный...») актуализация предсказания о падении Порты к трехсотой годовщине захвата турками Константинополя.

Здесь характерен уже опробованный в ранних стихах ход: предсказание будущего передоверяется некоторой неназванной анонимной авторитетной инстанции:

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —

⁵ Отметим, что императивы в послании к Мицкевичу, «Рассвете» и «Пророчестве» отчетливо указывают на инвариантный сюжет. В первом тексте анафорически трижды повторен призыв «воспрянь», во втором — тоже трижды — «вставай», в последнем императив обращен к императору и варьирует ту же тему: «Пади пред ним, о царь России, — И встань как всеславянский царь!». Думается, неуместность императивного обращения к монарху наряду с чрезмерной смелостью внешнеполитических рекомендаций остановила внимание императора, который, согласно конфиденциальному отношению генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова министру народного просвещения А. С. Норову, «изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: “Подобные фразы не допускать”» [Тютчев 1965: II, 361].

То древний глас, то свыше глас:
 «Четвертый век уж на исходе, —
 Свершится он — и грянет час! <...>»

Однако тогда же, в первой половине 1850 г., написан неозаглавленный текст (датирован по указанию в издании 1868, также нуждающемуся в уточнении), вновь возвращающий к теме чаемого славянского единства и опять вводящий важную для обсуждаемого стихотворения тему «центральных городов»:

Тогда лишь в полном торжестве
 В славянской мировой громаде
 Строй вожделенный водворится,
 Как с Русью Польша помирится, —
 А помирятся ж эти две
 Не в Петербурге, не в Москве,
 А в Киеве и в Цареграде...

Славянская раздробленность, таким образом, должна быть преодолена возвращением к двум столицам, но не новым, а исконным. Отметим, что тут, в отличие от послания к Ганке, список «столиц» замкнут сакральной двойкой. Сюжет приобретает черты мифа — повествования о древнем расколе и заветном единстве, достижимом не посредством конкретных действий, которые приведут к водворению *вожделенного строя*, но через локусы, где совершится чаемое примирение.

Важна модальность этих текстов 1848–1850 гг., их пророческая семантика (выраженная императивами или будущим временем). Совершенно очевидна также их связь с другими текстами рубежа 1840-х – 1850-х гг., развивающими противопоставление России и охваченного революцией (resp. хаосом, распадом) Запада («Море и утес», «Уж третий год беснуются языки...») — Тютчев не одинок здесь (ср., например, «Святую Русь» Вяземского, переписывающегося в конце рассматриваемого периода с Тютчевым из заветного Константинополя). Отметим и другое: хотя тема славянских столиц разрабатывается с начала 1840-х гг., корреспондирующие в рифмах *РГ* столицам *границы* будущего царства не обсуждаются. Очерк пространства грядущей славянской державы начинается с указа-

ния на ее сакральные центры, точки соприкосновения с внешним миром расширяющейся империи не определены.

1851 и 1852 гг., когда развивался восточный кризис, не отмечены у Тютчева поэтической активностью географической темы (что особенно заметно на фоне, в целом, неплохой общей продуктивности в это время). Откликов не вызывает и черногорское восстание 1852 г. (ср. более поздние поэтические реплики Тютчева на подавление восстания киприотов). Лишь решающий 1853 г., когда Россия вступает в войну, дает два текста — один («Неман»), актуализирующий сюжет противостояния России и Запада, впервые вводит значимую тему водной границы, другой («Спиритическое предсказание»; датируется авторами «Летописи» ноябрем 1853 [Летопись: 188]) тематически ближе всего к *РГ* и может быть истолкован как ее конспект (проспективный или ретроспективный — неизвестно):

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

Совершая летом 1853 г. поездку в Европу, Тютчев, раздосадованный отсутствием в Париже достойной аудитории для своих пророчеств, раскрывает перед Гречем (пребывающим также в Париже) мысли о неизбежности большой европейской войны (лейтмотив и более поздних тютчевских рассуждений о политике) [Осват 1989: 470–473]. Одержимость Тютчева мыслями о Востоке в это время фиксирует и Блудов в письме Вяземскому [Тютчев в письмах: 257]. Характерно, что в 1854 г. в печати появляются два написанных ранее тютчевских текста («Пророчество» и «Рассвет»⁶).

⁶ О публикации «Пророчества» см. выше в прим. 5. «Рассвет» опубликован дважды — в XLIV т. «Современника» и в московском сборнике «С нами бог! вперед... Ура!» (заметим, что в сборник 1854 г. ни одно из этих стихотворений не вошло). Как нам представляется, отсутствие в составе этих публикаций *РГ* может косвенно поддерживать гипотезу более поздней датировки текста. Если говорить о возможной датировке *РГ* в будущем науч-

Как кажется, актуализация темы границ русского царства в это время позволяет по крайней мере предположить и более позднюю датировку *РГ*, тем более, что примерно к этому времени относится и один из неопубликованных тютчевских набросков, обнаруженный А. Л. Осоватом, любезно обратившим на него наше внимание (РО РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1)⁷. Здесь, помимо находящегося внизу листа списка французских поэтов и прозаиков (от Рабле и Маро до Ж. Санд и де Мюссе), расписанных по эпохам правления (он и позволяет датировать черновик по упоминанию Наполеона III временем после 3 декабря 1852 г.), мы находим геополитический эскиз, представляющий собой попытку функциональной дифференциации будущих *столиц* утопического государственного образования:

Велико-Греко-Российская Восточная Империя — Царьград
 Великое Царство Всеславянское — Киев
 Великая Русь — Москва⁸.

ном издании лирики Тютчева, то верхняя граница, очевидно, должна определяться исходя из анализа автографа, нижняя же может быть обозначена со ссылкой на издание 1886 г. как <1848?>.

⁷ Мы приносим искреннюю благодарность А. С. Бодровой, скопировавшей для нас текст наброска.

⁸ Здесь представлена структура, которая подразумевает, с одной стороны, включенность каждого последующего уровня в предшествующий, а с другой стороны — функциональную автономность каждого из них, подчеркнутую наличием трех символических (и не соотносимых иерархически) центров. Как видим, названия столиц у Тютчева могут варьироваться; в *РГ* примечательна двусмысленность упоминания «града Петрова» (в контексте имперско-церковных построений Тютчева это, несомненно, Рим, как и указано в комментариях к последним изданиям, однако такое сочетание в русской поэзии всегда означает исключительно Санкт-Петербург). Сама триадическая магическая формула устанавливается, кажется, именно в это время, в начале Восточной войны (до этого, напомним, речь идет либо о многочисленных славянских городах, либо о двух конкурирующих столицах).

Для нашей темы существенно и другое: здесь также предпринята попытка реестра водных *границ* — океанов/морей и впадающих в них рек. При этом список наброска шире, чем в *РГ* — здесь упоминаются:

1. Ледовитый океан и Бельт (Балтийское море), к которым относятся Двина, Нева, Двина (еще раз — очевидно, речь идет о Западной и Северной Двине⁹) и Висла;
2. Каспий (Волга);
3. Черное море (Дон, Днепр, Дунай);
4. «Персидско-Арабское» море (отчего-то еще раз назван Дунай, также упомянуты более реалистически мотивированные Тигр, Евфрат и Нил);
5. Ледовитое море (т. е. восточная часть Ледовитого океана) с впадающими в него Обью, Енисеем и Леной;
6. Тихое море (Амур).

Первая строфа *РГ* утверждает, что *заветные столицы* Русского царства давно определены, но границы этого центробежно расширяющегося пространства откроются лишь в будущем. Вторая строфа может прочитываться как «бред пророческий духов», намечающий грядущие границы, но это прочтение не единственно. Река, как известно, может выступать в культурной географии в двух основных функциях — как пограничный рубеж и как осевая транспортная артерия. Тютчев нарочито сталкивает два типа рек, выстраивая свои формулы протяженности так, чтобы не прояснить, а затемнить поэтический сю-

⁹ Р. Ф. Брандт, комментируя *РГ*, специально остановился на вопросе о гидронимике, заметив: «Эта панславистская география довольно запутанна: как «семь внутренних морей», правда, легко назвать Белое, Азовское, Каспийские, Черное, Мраморное, Эгейское и Финский залив (едва ли вместо последнего нужен Сиваш — Гнилое море); но «великих рек» оказывается больше — кроме Дуная, Вислы, Днестра, Днепра, Дона, Волги и Урала, которые первые просятся на язык, трудно опустить обе Двины, Тигр да Евфрат, и называемые самим поэтом Неву, Нил и Ганг» [Брандт: 181]. Отметим, что, вопреки Брандту, Евфрат не остался без внимания поэта.

жет. Обратим внимание на со-/противопоставления, организующие список рек в *РГ*:

1. *От Нила до Невы*: «осевые» реки, текущие на север; *недавно завоеванное* Петром *северное* пространство сопоставляется с ассоциирующимся с *древностью* экзотическим *южным* локусом, сопоставление напоминает о петербургских сфинксах (вызывающих в памяти египетские походы Наполеона¹⁰);

2. *От Эльбы до Китая*: *западная* граница сопоставляется *восточной*; Эльба в контексте панславизма — древняя граница германских и славянских племен, в связи с этим ср. тему «обезьязыченного немцем» (полабских) славян. С другой стороны, упоминание Эльбы вновь вызывает наполеоновские ассоциации (как в связи с зарубежной кампанией 1813–1815 гг., так и по омонимии с островом Эльба);

3. *От Волги по Евфрат*; вновь актуализируется оппозиция *север* — *юг*, корреспонденция с парой (1) по признаку *свое* — *экзотическое*, подчеркнута зеркальным (с севера на юг) направлением течения. Вновь речь идет о реках «осевых». Соположение Волги с тремя присутствующими в *РГ* экзотическими гидронимами предсказано в финале стихотворением И. И. Дмитриева «К Волге» (1794):

Но страннику ль тебя прославить
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих берегах.
О, если б я внушен был Фебом,
Ты первую б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Евфрата, Нила
И всю вселенну протекла [Дмитриев: 29].

Евфрат в одической поэзии XVIII в. (к которой отчетливо апеллирует Тютчев в своих пророчествах) — это не столько окраина современной Османской империи (что справедливо и

¹⁰ Ср. к этой теме: [Ронен].

относительно Нила), сколько сакральная река — место, где располагался Эдем¹¹.

4. *От Ганга до Дуная*; возвращение к оппозиции *восток — запад*, обе реки — скорее «граничные» (по Дунаю проходила граница Римской империи). При этом если Дунай вписывается в традицию как река историческая (и уже упоминавшаяся Тютчевым в интимной лирике), связанная со славянской темой, то Ганг репрезентирует архаический Восток, уже не ветхозаветный, но напоминаящий об империи Александра Македонского и о заветных пределах всякого европейского рывка на Восток (что вновь косвенно возвращает нас к наполеоновской теме).

Упоминание в ряду рек *Китая* прямо мотивировано необходимостью, с одной стороны, держаться сакральной «семерки», а с другой — симметрично разместить в двух стихах шестистопного ямба восемь парных имен. В представленной здесь вариации той чрезвычайно популярной в поэзии XVIII–XIX вв. стилистической фигуры, которую Л. В. Пумпянский назвал «формулой протяжения России» или «империяльной формулой» [Пумпянский: 22–24], это обстоятельство заслуживает специального внимания. Хотя в парных конструкциях, образованных с участием предлогов «от» и «до», вполне допустимо соединение объектов, принадлежащих разным понятийным рядам и, в частности, топонимов и гидронимов (ср. у Ломоносова: «От Иберов до вод Курильских, / От вечных льдов до токов Нильских...», ср. выше о послании «К Ганке»), думается, что для современников Тютчева Китай в этом ряду ассоциировался в первую очередь не с Ломоносовым, но с пассажем из пушкинской инвективы «Клеветникам России»: «<...> от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая...». В 1831 г. Тютчев оценивал пушкинский антипольский триптих весьма скептически (см. об этом: [Осповат 1987]), теперь же он не только сочувственно подхватывает

¹¹ Подборку параллельных мест в поэзии XVIII в. см.: [Осповат 2000: 266 (2-я пагин.)].

вает «формулу протяжения», но и лексически обозначает ее преемственность с пушкинским текстом.

Следует отметить, что инвектива Пушкина очерчивает именно точные географические ориентиры. Сопоставление локусов описывает пространство «русской Земли» как набор культурно маркированных оппозиций, лишь одна из которых очерчивает собственно границы (север и юг: от «финских хладных скал до пламенной Колхиды» — помимо одического сопряжения «далековатых» областей примечательно, что упоминаются недавние, актуальные территориальные завоевания александровского и николаевского времени). Две другие пары у Пушкина строятся по иному принципу: соположены «внутренние», исконные локусы (периферийная некогда Пермь и «сердце России» — стены Кремля) и новые (южная и восточная) границы.

Тот же прием четкого описания пространства встречаем мы в пушкинском тексте, написанном задолго до инвективы и также, несомненно, памятном Тютчеву во время написания *РГ*¹². Речь идет о сцене «Царские палаты» в «Борисе Годунове», где мы встречаем едва ли не ближайший к Тютчеву по времени очерк «русской географии», отчетливо перекликающийся с *РГ* (лексические пересечения выделены нами):

Царь.

<...>

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор.

Чертеж земли московской; наше *царство*

Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань. Вот *море*,

Вот пермские дремучие леса,

А вот Сибирь.

Царь.

А это что такое

Узором здесь виется?

¹² Отметим, что 5/17 января 1853 г. Тютчев в Овстуге читает домашним трагедию Пушкина вслух [Тютчев в письмах...: 253].

Феодор.
Это *Волга*.
Царь.
Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: *границы, грады, реки*.

В противоположность четкой инвентарной оформленности наличного геополитического пространства в обоих текстах Пушкина, Тютчев, повторяя ключевые термины диалога в трагедии и отчетливо ориентируясь на стихотворение «Клеветникам России», предлагает нарочито затемненный набросок грядущей географии своего «пятого царства»¹³. Прозреваемые водные «границы» «Царства Русского» призваны не только собственно ограничить его, но и указать на заведомую неопределенность любого современного ограничения, обозначив векторы движения «на север, на восток, на юг и на закат».

Расширяющееся до баснословных пределов пространство Империи заставляет вспомнить тютчевские лирические декларации другого рода. Здесь, с одной стороны, микрокосм может описываться как «Элизиум теней», замкнутый Космос, противостоящий хаотическому, лишенному границ внешнему миру (в политической лирике периода европейских революций конца 1840-х гг. аналогичны концепции таких текстов, как «Море и утес» и «Уж третий год беснуются языки...»). С другой стороны, душа стремится разрушить границы, «с беспредельным... слиться». В политической лирике это соответствует теме пространственной экспансии, раздвигающей границы

¹³ Отметим, что имплицитная отсылка к пророчеству Даниила о Пятом Царстве, доводящая до предела тютчевскую линию передоверения пророчества высшей инстанции, содержится уже в набросках к «России и Западу». Известное место из раздела «Россия» здесь явно ориентировано именно на этот библейский источник: «4 сменившихся Империи. 5-я — последняя и окончательная» [Тютчев 2003: 195, 452–455].

Русского Царства до «завещанных веками» и предсказанных в Писании пределов легендарных «великих рек»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Брандт: *Брандт Р. Ф.* Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия» // Изв. Отд. рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1911. Т. 16. Кн. 2.
- Дмитриев: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986.
- Летопись: Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М., 2003. Кн. вторая: 1844–1860.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Осват 1989: *Осват А. Л.* Неясный эпизод в биографии Тютчева: II. Еще о заграничной поездке Тютчева в 1853 г. // Ф. И. Тютчев. М., 1989. (Лит. наследство; Т. 97. Кн. II).
- Осват 2009: *Осват А. Л.* Словарь основных имен и понятий // Сумароков А. Оды торжественные. Елегии любовные. М., 2009.
- Пумпянский: *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. (XVIII век. Сб. 14).
- Ронен: *Ронен О.* «Россия — Сфинкс» // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
- Тютчев 1934: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотв.: В 2 т. М.; Л., 1933–1934.
- Тютчев 1965: *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. М., 1965.
- Тютчев 1987: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотв. Л., 1987.
- Тютчев 2003: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма <sic!>: В 6 т. М., 2003. Т. 3.
- Тютчев в письмах: Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // Ф. И. Тютчев. М., 1989 (Лит. наследство; Т. 97. Кн. II).

¹⁴ Ср. анализ *РГ* в статье Ю. М. Лотмана, обратившего внимание на единое решение пространственной темы в лирике Тютчева (как «неполитической», так и «политической») [Лотман: 581].